

Кир Булычев

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО

Цикл “Веревкин”

ebooks@prospekt.org

Гений и злодейство

Даже когда мир катится к смерти, когда спасать в нем ничего и не хочется, когда утонули уже все подводные лодки, взорвались последние атомные станции, исчезла любовь и прекратилось деторождение, когда последних детей провожают в последнюю школу автоматчики и устраивают перестрелки с киднепперами прямо возле учительской, когда всех виноватых уже казнили, а невинные сидят по тюрьмам, помирая от голода и болезней, когда армии догнивают в окопах – даже тогда природа способна родить гения.

Другое дело – может ли использовать его погибающая цивилизация или наступает момент, после которого любое ее действие оборачивается ей же во вред.

Это вопрос открытый.

Я не претендую на готовый ответ.

Я лишь могу изложить события, как они были. А вы делайте выводы.

Гений, о котором пойдет речь, родился там слишком поздно, чтобы изменить жизнь. Но он

смог изобрести мгновенное перемещение в пространстве и отыскать далеко отстоящую планету, на которой существует разумная жизнь. Больше того, этот гений нашел средство внедриться в тело жителя той планеты, чтобы затем, использовав этот путь, отправить на далекую планету агентов и оккупантов за сырьем и ценной техникой, которая может помочь вести победоносную войну.

Схема, разработанная гением, требовала громадных материальных ресурсов, но отдачи не давала. Видно, потому, что разлад и раздразн на планете зашел так далеко, что путь назад затопило грязью.

Центр Переброски, висевший камнем на шее разоренного государства, пожирал ценные материалы, но все забросы кончались ничем. Агенты, на подготовку которых было ухлопано столько средств, либо погибали в самом начале операции, либо пропадали без вести.

И вот наступил понятный день, когда было решено проект заморозить, а гения отправить на земляные работы.

Узнав об этом от генерала Симки, гений попросил его разрешения провести последний запуск.

Женераль не выносил гения, потому что все женерали не выносят гениев.

– Нельзя, – сказал он, – ты не имеешь чина и даже допуска. Что было правдой.

– Допуска нет, мон женераль, – парировал гений, – потому что вы его вовремя не удосужились оформить. А не удосужились, потому что никогда мне не доверяли.

– Я никому не доверял, – сказал женераль Симка. – Потому и жив.

Женераль закрыл вентиляционную решетку, потому что оттуда тянуло дохлыми крысами. Крысы вымирали, так как даже у них в том мире не было перспектив.

– Я все сделаю лучше, чем ваши офицеры. И вы получите орден. Я умный.

– В этом и беда, – сказал женераль.

– А если я провалю операцию и сгину в просторах космоса – туда мне и дорога. А вы спишете на меня все расходы и перерасходы.

– Инструкцию помнишь? – спросил женераль, которому понравилось предложение гения.

– Помню, – сказал гений. – Вместе ее сочиняли. Женераль сделал вид, что не услышал. Он был службистом.

– По прибытии на место включаете искатель-пси, – произнес женераль. – Как только он обнаружит человека ваших габаритов и физиологии, в котором плохо держится душа, вы проводите над ним операцию по замене разума.

Гений послушно кивнул.

Он сам все изобрел, и женераль надоел ему смертельно. Лучше сгинуть в просторах космоса, чем терпеть этот голос и видеть эту рожу.

Хоть вентиляционная решетка была закрыта, вонь в комнате не уменьшилась. Вернее всего, она была местная, туземная, только женераль ее не замечал.

За бронированным стеклом неслись разноцветные облака. Они были раскрашены химическими выбросами и, пожалуй, остались единственными яркими пятнами в том мире.

– По окончании удачно проведенной операции, – продолжал женераль, – вы выходите со мной на связь, и мы начинаем расширять наше присутствие на планете Земля. С целью дальнейшего захвата, колонизации и

мобилизации ресурсов.

– Я понял, мон женераль, – сказал гений.

– Надеюсь, что у вас ни хрена не получится, – сказал женераль. – Такие славные ребята уходили на задание – ни одного в живых не осталось. Кошмар какой-то. И все вы виноваты, ваши провальные изобретения, ваши попытки поставить уши поперек простокваши¹.

– Мне искренне жаль тех мажоров и миноров второго класса, которые не преуспели и отдали жизнь за Родину. Я думаю, что они трусили и сдались в плен.

– Вы мне только попытайтесь сдаться! – завопил женераль. – Тогда не советую возвращаться.

– Я обдумаю ваше предложение, – сказал гений, и легкая хитрая улыбка коснулась его бровей. Женераль понял, что все пропало. Ему захотелось ликвидировать гения, но это не было предусмотрено инструкцией, и поэтому гений остался жив.

По молчаливому соглашению женераль и гений разулись и проползли соединительным ходом в лабораторию имени Второго Контрольного слета.

Женераль помог гению забраться в транстелепортатор и помахал ему единственной рукой в нечистой белой перчатке.

Гений надеялся на то, что женераль не догадался подложить в машину бомбу замедленного действия. И угадал.

Гений очнулся на Земле.

В окрестностях городка Веревкин Тульской области.

Для удачи или провала эксперимента не суть важно, оказался ли он в Москве, Самарканде или Индианаполисе. Главное – достичь Земли в одном куске и отыскать подходящего индивидуума, в котором душа еле держится в теле.

Следует сразу отметить, что это выражение не соответствует подобным выражениям, существующим в земных языках. Нет, индивидуум не должен быть изможденным и чуть живым. Наоборот. Он может физически преуспевать и даже участвовать в Олимпийских играх. Но его телу душа не очень нужна, и

соединительные нити прогнили или с детства были слабыми.

Проникнув в городок, гений уселся на лавочку в сквере возле памятника Ленину. Того памятника, который стоит, а не того, который состоит из беленой головы на высоком постаменте и находится за фабрикой-кухней.

Было раннее утро. Мимо спешили люди, кто на службу, а кто в школу. Некоторые женщины шли на рынок.

Гений включил искатель-пси, который представляет собой прозрачную коробочку чуть поменьше спичечной. Она жалко защебетала и должна была дать специфический сигнал в тот момент, когда нужная местная особь окажется по соседству.

Пока что никто не мешал гению наслаждаться свежим воздухом, который казался ему ароматным и душистым, что не было чистой правдой, так как он был смешан с угарным газом и бензиновыми парами, вонью прорванной в соседнем доме канализации, ароматом столовой № 2, в которой как раз собирались выкидывать подгнившую с прошлого года кислую капусту, и всякими иными запахами. Но жители Веревкина, которые либо не замечали таких запахов, либо не обращали на них внимания, не знали, насколько

они счастливы с точки зрения гения и его компатриотов, потому что гению давно не приходилось сидеть на улице без противогаза и антикислотного костюма. Ему бы хотелось провести остаток жизни на этой лавочке без еды и сна – только дышать, дышать, дышать... Люди проходили мимо гения и выглядели необычно и незащищенно.

Все они, исключая милиционера, были невооружены. Даже страшно за них становилось. А женщины гуляли настолько беззащитными, что хотелось немедленно над ними надругаться.

Нет, вы не думайте, что гений всерьез намеревался наброситься на какую-нибудь женщину. Только кадровые офицеры безопасности и гвардейцы-охранники получают пищу, которая позволяет им думать о женщинах. Гений не относился к таким ценным лицам и к тому же не выносил вида крови. А ведь вы знаете, что после сексуальных домогательств женщин обычно убивали или она сама убивала насильника. Это зависело от того, кто лучше вооружен.

Впрочем, гений уже года два не видел ни одной женщины нормального облика, если не считать картинок в лживых журналах о хорошей довоенной жизни.

Разве можно считать женщиной сотрудницу вспомогательного корпуса стражей боевого содружества в защитных футлярах и железных масках, вооруженных помойными ведрами и железными метлами? И еще как-то гению пришлось попасть в больницу. Была бомбежка, и тут не разбирались, куда вести пострадавших. А у гения на плече был красный треугольник, означающий «спасать и лечить!». То есть если в бомбежку или во время обстрела тебя ранило, то твое тело положено тащить в госпиталь, а не бросать на улице как обыкновенного человека. Так вот, тогда его сильно ранило, кровь хлестала, его потащили в ближайшую больницу, а это был Шестой экспериментальный районный центр воспроизводства. Гения положили в коридоре и срочно перевязали, чтобы остановить кровь. Он не потерял сознания, а глядел сквозь стеклянные двери палаты, где лежали пристегнутые к койкам матери-кормилицы. У них брали клетки для клонирования, а потом приносили на подкормку младенцев, шестьдесят младенцев за эпизод кормления: разок затянулся из настоящей груди, уступи место товарищу!

Женщины были неприятны, лучше бы и не видеть.

Поэтому и местные женщины вызывали лишь удивление и даже отвращение. Но надо привыкать.

Рядом с ним на скамейку опустилась средних лет женщина с сумкой, полной круглых плодов. Названия их гений не знал. Гений отодвинулся, но, вернее всего, женщина не заметила его. В тот момент он был почти прозрачен и схож с роем мошкар, что вьется у фонаря.

Гений чувствовал, как без подпитки энергия постепенно покидает его тело. Надо было торопиться, а не расслаживаться здесь и эмоционально размягчаться.

Он вздохнул, стараясь собраться с духом, и женщина услышала этот вздох. Она посмотрела в его сторону, но ничего не увидела.

Ах, как она беспечна!

«Она не понимает, что мой долг, долг агента, внедрившись в тело твоего соотечественника, приобщить его к славному сонму строителей завершено военного военизма. Мы сделаем эту Землю филиалом нашего сражающегося братства, мы превратим ваших мужчин в солдат, а для женщин найдем иные, достойные, хоть и не очень приятные, области применения.

Что ж, побеждает сильнейший, в этом закон природы.

Мне жаль вас, потому что я умнее и добрее,

чем мон генераль и другие генерали, которые правят нами. Мне вовсе не хочется, чтобы эта пожилая добродушная женщина, что сидит рядом со мной на скамейке, стояла в многочасовой очереди за куском докторской колбасы из гороха и спала в бронезилете, ожидая того момента, когда тебя отправят на минное поле, чтобы своим ненужным телом сделать проход для наших доблестных войск.

А я? Я, если вернусь, выполнив задание и открыв дорожку для проникновения сюда сонма наших агентов, и если меня на обратном пути не прихлопнет мон генераль, наверняка получу орден Почета...»

Но надо было двигаться, искать для себя соответствующее тело.

Гений, схожий с роем мошкары, поднялся со скамейки, и женщина, сидевшая рядом с ним, подумала: откуда столько мошкары, ведь еще не осень?

Стоило гению продвинуться на сто шагов, как его искатель-пси изменил тон.

Запищал, словно его ущипнули. Где-то рядом находился по всем параметрам пригодный для внедрения в него.

Если все будет нормально, то надо будет войти в его тело, ликвидировать в этот момент его разум, его душу, его идеальную субстанцию. И заменить своей.

С телом индивидуума ничего не произойдет.

Понимал ли гений, что намеревается убить человека, ибо исчезновение индивидуальности означает смерть невинного человека?

Я думаю, что он отдавал себе отчет в том, что делает, но, несмотря на свою гениальность, не испытывал угрызений совести.

Его жертве, если можно того человека назвать жертвой, и без того оставалось недолго жить. Непрочная связь души и тела означала либо далеко зашедшую душевную болезнь, либо склонность человека к смерти. Не обязательно к самоубийству. Может быть, тот человек попросту не хотел жить, постоянно и равнодушно. Бывают такие люди. Живут и терпят сами себя.

Вот такой тип сознания вынюхивал искатель-пси. А потом передавал информацию агенту. А уж от того зависело, внедряться ли в жертву или поискать другую, может быть, физически покрепче, помоложе.

Распространенная философия планеты, с

которой прилетел гений, не знает категорий типа «совесть», «сострадание» или «любовь к ближнему», потому что эти категории мешают бороться за победу Родины в борьбе с внешним врагом либо с врагом внутренним, который находится на службе международного терроризма.

Облачко мошкары, в центре которого поблескивала стеклянная коробочка размером со спичечную, двинулось к вставшему у витрины охотничьего магазина Семену Шпаку.

Как ни странно, при всем внешнем несходстве гения и Шпака они были кое в чем схожи.

Оба уже почти ничего не ждали от жизни. Но гений не ждал, так как устал бороться с судьбой, злыми силами и несправедливостью. Шпак бороться не пробовал, правда, каждый понедельник с утра намеревался этим заняться.

Во-первых – бросить пить. Во-вторых – бросить курить, в-третьих – выучить английский язык, чтобы уехать в Новую Зеландию и больше никогда не видеть ни Зинки, ни обрыдлой рожи Изи Иванова, в-четвертых – сходить к зубному и вставить два зуба, выбитых по пьянке неизвестно кем, в-пятых... Много ли надо человеку средних лет, типичному осколку империи? Впрочем, осколком Шпак себя не считал и даже некоторое

время числил себя в демократах, а потом стал патриотом, что в его жизни ничего не изменило.

Зинка вышла за него по любви. Он был тогда красивым инструктором райкома комсомола с перспективами на область, а она – пионервожатой в школе № 2 без перспектив, но с фигурой. А теперь, спустя пятнадцать лет, она рада бы перейти к кому угодно, но как отыскать в Веревкине достойного? А родственников или начального капитала, чтобы махнуть в Тулу, не нашлось. А теперь Семен трудится в районной газете литсотрудником или корреспондентом, а сам себя называет шефом рекламного отдела, хотя мало кто дает рекламные объявления в газету.

Семен пошел побаловаться бочкаревским пивом – надо чаще встречаться! – но никого в стоячке не оказалось, так что он пил без удовольствия.

И тогда к нему подплыл гений в виде облачка мошканы. Искатель-пси щелкал, как счетчик Гейгера в Чернобыле. Он! Вот-вот душа улетит сама! Действуй! У Семена с утра давило в сердце и еще больше на душе – не мог он вернуться в газету, где вчера вечером вытащил сто рублей из сумочки Кати Корзухиной. А она вошла в комнату. А он не успел положить их обратно. Может, в речку кинуться? Да речка у нас мелкая,

загрязненная. И нужны были ему эти сто рублей?

Он решил копить на поездку в Анталию. Но зачем таким образом?

Если она рассказала шефу, если Изя его вызовет... И тогда гений убедился в том, что и в самом деле душу клиента наполняет тупое отчаяние, а его умственные способности настолько подорваны водкой и пивом, бездельем и нелюбовью к человечеству, что готовы вообще испариться.

Хоть бы помереть! – взмолился Семен Шпак и взглянул на небо.

Но на самом деле он помирать не собирался, а просто запрокинул голову, чтобы пиво лучше лилось из горла в горло.

И тут-то гений его взял. Можно сказать, без всякого сопротивления.

Семен Шпак ощутил нехватку воздуха, перехват в горле, дурноту и потом уж страх.

Он выронил бутылку, она покатилась под высокий столик, но Шпак, что удивительно, не стал нагибаться. Он не мог нагнуться, потому что нечто заменявшее ему душу – та нематериальная субстанция, которая кое-как уже сорок с лишним

лет руководила его хорошими и дурными поступками, – вышло из него через ноздри и уши и улетело к небу невидимым столбиком пара, чтобы там, в вышине, смешаться с другими частицами душ, ибо на Земле постоянно умирают различные люди и животные, и каждый из них оставляет брэнное тело, а остальное улетает вверх. В отличие от распространенных заблуждений, оно не продолжает жизни в раю или аду, а участвует в образовании облаков, а потом и дождей. И чем больше на Земле людей и чем реже они чистят зубы, тем грязнее дожди. Впрочем, в общей массе дождевой воды души составляют не более процента, так что лишь приборы могут угадать, насколько эта вода загрязнена.

Пока не очень.

А вот на планете, с которой прибыл гений, она сильно загрязнена.

Выпав на землю дождем или росой, духовная субстанция многих живых существ участвует в образовании растительного покрова или проникает в глубь земли. В любом случае со временем какие-то частицы этой субстанции попадают в организм человека или собаки, а чаще принимают участие в создании новых организмов.

То есть можно сказать, что буддизм, учащий нас о перерождении душ и вечном круговороте жизни, при котором каждое живое существо, в зависимости от суммы дурных или добрых дел, возрождается вновь в образе человека или пиявки, а в лучшем случае – боддисатвы, стремящегося к полному безделью, то есть нирване, можно сказать, что буддизм в чем-то прав.

Наивность буддизма заключается в том, что духовная субстанция с его точки зрения сохраняет индивидуальность предыдущего носителя. На самом деле Природе безразлично, кто родился на планете и кто родится завтра. Ее цели настолько высоки и далеки от судеб людей, что она не догадывается о существовании этих квантов общей биомассы. Человек не может переродиться в пиявку или боддисатву. Но какие-то атомы человека могут войти в новое создание. Какие – никто не знает. Тем более что атом, как вы понимаете, слово здесь условное – ничего материального в этих элементарных частицах идеального мира не наблюдается.

Так что Семен Шпак в коротких, но страшных муках, которые приходится переживать любому человеку в момент смерти, потерял свою душу, то есть, как вы уже поняли, – условный термин, никак не отражающий всей сути проблемы.

Но он не упал вслед за пивной бутылкой, потому что в момент потери им души в его тело вошла идеальная субстанция гения. Гений прекратил свое туманное существование и с той секунды стал Семеном Шпаком, сорока с лишним лет, никому не нужным и даже никчемным человеком.

Гений был убийцей.

По земным законам он должен быть судим, но таких законов еще нет.

По какой статье он у нас проходит?

Он украл живое тело.

И что потом случилось с телом?

Оно пошло погулять по главной улице.

Оно упало, умерло, ему было плохо?

Вроде бы нет.

Оно звало на помощь? Умоляло о пощаде?

Нет, оно производило впечатление вполне обыкновенного живого человека. И отзывалось на имя Семен Шпак. И даже помнило многое из того, что помнил Шпак.

Но существуют законы Галактики, которые нам пока неведомы. Там, вдали, знают о таком типе преступлений, там за них карают сурово и беспощадно, чтобы неповадно было. Там казнят без всякой надежды на возрождение или воскрешение инициатора преступления, а также нового владельца тела, а также всех, кто проводил техническое обеспечение такой кражи.

Гений слышал о таких законах и пренебрегал ими.

Он достиг того, в чем не преуспели лучшие офицеры Главного штаба. Он – первый из агентов Родины, проникших к цели путешествия. Он сам придумал, он сам изобрел, он сам и исполнил. Поглядим, какие глаза будут у генерала Симки, когда придет сигнал, что канал открыт и готов для прохождения первой партии агентов. Он не переживет. Он застрелится из арбалета.

И тогда – великое единение...

Так думал владелец тела Семена Шпака. И не был уверен в том, что радость по поводу победы его Родины искренняя. Потому он не спешил сообщать о своих успехах.

Сейчас его волновало другое: информации, почерпнутой в мозгу Шпака, было недостаточно.

Словно гению досталось полотно с дырами и оторванными краями.

Например, кто идет навстречу и кланяется с улыбкой? Почему у другого прохожего на лице недобрая гримаса?

«Зря ты так себя вел», – говорит третий. А гений не мог вспомнить, что вчера случилось.

Шпак – а именно так мы будем отныне называть гения, ибо он живет в чужой шкуре – направил стопы домой. Он рассудил, что будет легче войти в образ убитого им человека в его доме. Там есть документы, фотографии, любимые вещи, предметы обихода.

Дом оказался длинным, когда-то оштукатуренным деревянным бараком. Он свидетельствовал о равнодушии к людям, столь свойственной не только земным властям. Правда, барак был окружен тополями, а в песочнице возились малыши. Такое у него на Родине давно забыто. А скоро с его помощью исчезнет и здесь. Горько. Почему горько? Разве можно встать на пути прогресса?

Шпак позвонил в квартиру № 2 на первом этаже.

Зинаида была дома, но обратила на Шпака не больше внимания, чем обращают на дождик или сквозняк.

– Чего рано? – спросила она. – Выгнали наконец?

Зина и к сорока годам сохранила крепкую стройную фигуру пионервожатой, соблазнившей Шпака пятнадцать лет назад. Она была на четыре года младше мужа.

– Добрый день, – сказал Шпак. – Сегодня хорошая погода, не так ли?

В любой цивилизации разговор о погоде свидетельствует о расположении говорящего к слушателю.

– Опять напился? – спросила Зина с застарелым раздражением.

– Я не принимал спиртных напитков, – возразил Шпак.

Ему захотелось, чтобы эта женщина, которая является его женой, то есть сожительницей и сексуальным партнером, улыбнулась.

– Улыбка тебя красит, – сообщил он, чем поверг Зинку в смущение.